

было блестящее собраніе чудныхъ профессоръ-лекторовъ, влaстителей студенческихъ не только думъ, но и грезъ. Чупровъ, М. Ковалевскій, Буслаевъ, Муромцевъ, Стороженко, Виноградовъ, Янжуль, Шаховъ, Миллеръ, Герье, Иванцовъ-Платоновъ, Павловъ и другіе увлекали своихъ слушателей неподобнымъ чтеніемъ лекцій и проводимыми въ нихъ научными и прогрессивными идеями. На историко-филологическомъ, а тѣмъ болѣе юридическомъ факультетѣ почти не было такихъ профессоръ, которыхъ неинтересно было бы слушать. Нечего и говорить, что В. О. Ключевскій волей-неволей долженъ былъ выдержать сравненіе съ названными нами и другими свѣтилами науки и профессорства. По настроенію студентовъ видно было, что ему предстоитъ выдержать большой искусь.

Шумно было въ назначенное для лекціи Ключевского время въ «словесной вверху» аудиторіи. Кого только здѣсь не было! И наши студенты, и профессора, и представители московской интеллигенціи, и духовныя лица, нѣкоторые въ магистерскихъ крестахъ, и студенты духовной академіи, и одинъ изъ ея профессоръ.

Ни разу за все время моего пребыванія въ университетѣ не было передъ вступительной лекціей такого напряженнаго ожиданія, такого прилива лихорадочнаго волненія. Ректоръ университета едва нашелъ себѣ мѣсто, а нѣкоторые изъ профессоръ стояли—такое множество слушателей собралось въ аудиторію.

Наконецъ торопливой походкой, слегка прихрамывая, вошелъ В. О. Ключевскій, худой, согбенный, невзрачный, съ потупленными взорами,—прямая противоположность патріарху русской исторической науки С. М. Соловьеву, который всходилъ на кафедру, окидывая аудиторію орлинымъ взоромъ, лицо котораго сіяло лучами вдохновенія. Только что Ключевскій сѣлъ въ кресло, какъ прежде всего со стороны профессоръ раздались рукоплесканія, къ которымъ присоединились и многіе изъ студентовъ и постороннихъ лицъ. Они не отличались оживленностью и громозвучностью, но, казалось, должны были ободрить Василія Осиповича. Я не спускалъ съ него глазъ, и что же увидѣлъ? Ключевскій взялъ въ руки стаканъ, наполнилъ его до краевъ водою изъ стоявшаго на кафедрѣ графина и сдѣлалъ добрый глотокъ воды. Аплодисменты усилились, вниманіе къ лектору возросло до послѣдней степени напряженія. А Ключевскій опять взялся за стаканъ и допилъ изъ него воду до дна. Я прямо-таки ошолбенѣлъ при видѣ этого, но какъ разъ въ данное мгновеніе В. О. далъ знакъ, что онъ станетъ говорить, и когда моментально все стихло, началъ свою вдохновенную лекцію,

— Милостивые государи!—сказалъ онъ:—съ величайшею радостью, вступивъ въ эту аудиторію, услышалъ я ваши рукоплесканія, которыя всецѣло отношу къ свѣтлой и незабвенной памяти нашего великаго и славнаго учителя С. М. Соловьева, здѣсь своимъ геніальнымъ словомъ заставлявшаго кинѣтъ нашъ умъ и трепетать